

...БАЧАНА говорил на родном, грузинском языке, но мы все понимали. Голову сжимали наушники, в которых женский голос произносил русский текст, но не монотонно и бестрепетно — по традиции, а горячо, играя за всех актеров, страдая, восхищаясь, ликуя, хохоча, угрожая. В этом тоже была Грузия!.. И пение — знаменитое грузинское многоголосье — естественное, как дыхание, одинаково упительное для слушателей и исполнителей... Этим театр из Сухуми сразу покорила зрителей — сердечностью, музыкальностью, непринужденной пластикой, выразительностью жеста... Но Бачану мы понимали, потому что давно — со дня его появления — роман Нодара Думбадзе вошел в наш духовный мир.

Признаемся, не так уж часто появляются произведения литературы, где присутствует личность, выражающая время крупно, сложно, полно. Не случайно заметное место на сценах заняли разные версии романа Нодара Думбадзе. Есть и белорусская, в Купаловском театре, с Виктором Тарасовым в роли Бачаны.

И вот — перед нами, можно сказать, первоисточник: спектакль Сухумского грузинского драматического театра имени Константина Гамсахурдиа. История души человека, сюжетно сплетенная с историей болезни: неравнодушное сердце слишком часто испытывалось на разрыв временем, жизнью, людьми, и, наконец, не вынесло. Спектакль так и строится — в неровном ритме бияния сердца. Режиссер Г. Жордания избегал близко лежащей внешней ассоциации. Стремясь достичь внутреннего напряжения спектакля, он строит его как цепь эпизодов, вспыхивающих в сознании тяжело больного человека: здесь вся его жизнь, где зло и добро схватываются не на шутку, где крошится судьба и где круговой поруке зла противоборствует добро.

В спектакле, который порой катится привычно накатанной дорогой, а то и сбивается на скороговорку, негромко, но сильно и сердечно звучит голос Бачаны — Георгия Кавтарадзе. Нас то радует блестящими художественная правда, то огорчает многословие, но все может быть оправдано даже одним-единственным «моментом истины»: Бачана — Кавтарадзе подойдет к рампе, чтоб взглянуть в наши глаза, чтоб мы заглянули в его — полные муки, надежды, любви, с которыми он поедает нам свои раздумья о мире и о сегодняшнем дне. И словно услышит наши...

Вот так мы познакомились с актером, который берет на себя ответственность говорить с нами о главном. О том, что одинаково важно на всех языках. О чести. О бесчестии. О совести. О стыде. О душе...

В другой вечер, в шекспировском «Венецианском купце» (последнем спектакле Дмитрия Алексидзе, замечательного режиссера и педагога, учителя Георгия Кавтарадзе), он снова со сцены говорил — о нравственности.

Шейлок в исполнении Г. Кавтарадзе — не только виртуозная работа (кажется, можно ходить на спектакль, чтобы учиться владению актерской профессией средствами выразительности...), но и философское осмысление художником своего времени, его умение почувствовать человеческую боль — и осознать свою личную ответственность за всеобщую человечность. Ненависть Шейлока саморазрушающа, она берет верх над здравым смыслом: ослепленный ненавистью, желая сокрушить обидчика, он сокрушает свой собственный мир. Дразняще высокомерный, настороженный, Шейлок с первого появления ожидает и всем своим обликом пророчит беду.

Зло, порожденное злом, в саю очередь становится источником нового зла, множит его — если не прервать порочный круг. Нравственное право — право-справедливость — вот содержательное начало человечности. Тема куда

как актуальная... Спектакль, поставленный «на Кавтарадзе», выделяет именно эту тему — актер ведет ее мощно и звучно.

Две эти роли представили нам актера-мыслителя, актера-лидера, способного взять на себя всю смысловую, идейную нагрузку спектакля. Актера, обладающего даром мгновенно и полностью перевоплотиться: показалось, что Бачана — мягкий, но неуступчивый, деликатный, вспыхивающий гневом, но прежде всего интеллигентный, сдержанный, — это и есть сам актер, это и есть его индивидуальность. Но уже выходящий из поклон Кавтарадзе — возбужденный,

Только Актер остался Актером, а вор Вася Пепел — вором...

Режиссер чувствует потребность поделиться с нами своей тревогой, сегодняшней болью именно таким образом. И пусть импровизировать текст актеры не привыкли, но уже делают первые шаги в этом направлении. Сказав «а», надо бы уж пойти дальше; импровизации в тексте довольно-таки вялые... Но...

Можно представить, как сложно было «пробовать» подобное самовольство (прежде чем поставить спектакль в Сухуми, Кавтарадзе ставил его в Чехословакии, в Братиславе; соавторы «импро-

Гастроли

Талант, который „заметили“

еще не остывший после спектакля, с озорно и победно блеснувшими глазами, — поколебал это впечатление. Мягкий, сдержанный? Такая индивидуальность? Как бы не так...

Михаил Туманишвили, известный грузинский режиссер и педагог, на последней странице своей книги «Режиссер уходит из театра» пишет: «... Кто идет за мной?.. Перебираю в памяти молодых и пытаюсь догадаться, кто из них может стать лидером завтрашнего театра. Сегодня — это мои ученики Роберт Стурца и Темур Чхеидзе, Гоги Кавтарадзе и Нугзар Лордкипанидзе...»

Имена известные, знаменитые. Но, заметим, Кавтарадзе в свое время покинул родной Тбилиси и уехал на периферию и уже много лет работает то в Батуми, то в Кутаиси, а теперь — в Сухуми, каждый раз заново создавая «свое дело». Настоящий режиссер не может ждать, его мучает страсть ставить спектакли, организовывать актеров. Ему непременно нужно открывать театральные Америки — это ведь неизлечимая режиссерская болезнь. «Я не верю в потерянные таланты, которых не заметили, — говорит Туманишвили, — их невозможно не заметить, они по-хорошему нахальны: если их выгнать в дверь, они влезут в окно. В этом, может быть, и есть секрет таланта: неистовство к своей профессии».

В спектаклях актера Кавтарадзе ощущаешь его незаемность: трудно представить, что кто-то другой играет эту же роль — такова полнота, смелость, самоотдача его.

А в «На дне», «импровизации по одноименной пьесе», постановщик спектакля, кажется, мог бы (да и должен!) играть все роли, все, без исключения, и мужские, и женские. Кажется, он остановился, снедаемый творческой жаждой, — и не стал играть ни одной. Зато мы увидели целый ансамбль превосходно сыгранных ролей: ярких, с особенной, какой-то небывалой полнотой высказывания, с личной болью. Спектакль переводит пьесу в сегодняшний день, «подымает» из подвала — на чердак современной многоэтажки, где вместо нар — знакомые глазу спальные; конкретизирует место — город у моря, время — «мертвый сезон», который затянулся у обитателей чердака надолго, может быть, навсегда, без всякой надежды выбраться. Перечень действующих лиц шокирует: Костылев — врач, Василиса, жена его, — художница, Наташа — студентка, Клещ — скульптор, Барон — конференсье, Сатин — писатель...

визации» — Я. Ференчик, П. Пашка), можно вообразить, как обижались ревнители чистоты классики. Можно — потому что в спектакль входишь трудно, преодолевая сопротивление традиции, священного трепета перед классикой, ощущая, что и ты, зритель, чем-то покусавшись на нее, недостижимую. Дерзость обескураживает, но в какой-то момент ты почувствуешь, что, как в воронку, втягиваешься в это действие, потому что, оказывается, это и твои проблемы, твоя драма, твои тупики... Есть другие «На дне», и есть в постановках свои победы и вершины, но сухумский спектакль уже входит в духовный опыт видевших его...

Холод, разобщенность, горькая потерянная герою, редкое единение их: каждый раз как печальный итог или преддверие трагических событий возникает буйный «Сиртаки» — пляска-вопл, пляска-отчаяние. Ключевая сцена во втором акте, вбирающая в себя «все начала и концы» спектакля, с монологом Сатина — сыгранным по-брежневски насмешливо-искренне, с горечью, болью и едкой иронией. Ошеломляющий финал, когда обитатели «дна», потрясенные гибелью Актера, в ужасе бегут... все-таки унося свои пожитки, возвращаясь, хватая забытое...

Н. Бекаури (Сатин), М. Брекашвили (Вася), С. Пачкория (Клещ), Д. Джагани (Барон), Д. Гаччиладзе (Бубнов), Н. Чантурия (Алешка), Л. Хуриты (Настя), Н. Хуриты (Наташа), М. Колбазя (Актер)... Когда артисты сели на край сцены в раздумье о том, что же случилось с их героями, что происходит сегодня с нами, — мы увидели их самым крупным планом: живая мысль, чувство, полное актерское искусство царило здесь...

И захотелось смотреть их спектакли — все подряд. И совсем уже не мешали наушники... И женский голос в них — в нем были и любовь, и горе, и радость — был голосом друга, помогающего понять...

Многое может театр.

Может возвысить дух, может приобщить к подлинной красоте. Может рассказать нам о нас самих, может гнаться с нами, печалиться с нами, радоваться с нами.

Может, говоря по-грузински, быть понятым. Может зрителей Белоруссии сделать единомышленниками и друзьями грузинского национального театра — яркого, горячего, праздничного, до мозга костей демократичного, подвижного, готового к поискам и переменам.

Л. БРАНДОВСКАЯ.